

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 607–618, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297.17+392+394.262

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618

Обычай «мэшрэп» как феномен традиционной культуры уйгуров Синьцзяна

Дмитрий Владимирович Буяров¹

¹ Благовещенский государственный педагогический университет (д. 104, ул. Ленина, 675004 Благовещенск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

 0000-0002-8337-6817. E-mail: [buyarov_d\[at\]mail.ru](mailto:buyarov_d[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Буяров Д. В., 2004

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается обычай товарищеских собраний у уйгуров, населяющих Синьцзян, которых характеризует самобытная культура с сильным влиянием исламских традиций. *Целью* данной статьи является комплексная характеристика модели мэшрэпа, что обуславливает решение ряда задач: описание структурных компонентов этого обычая, рассмотрение его в исторической ретроспективе, анализ современных рисков и угроз его жизнеспособности. *Материалы и методы.* В основе данного исследования лежит анализ этнографических и исторических работ отечественных и зарубежных ученых. Статья подготовлена с применением таких методов, как структурный анализ, социокультурный анализ, синергетический подход. *Результаты.* Уйгурский мэшрэп, традиционно отличавшийся этикетно-игровым характером, подразумевал совместную трапезу, молитвы, чтение литературы, музыкальное сопровождение, исполнение песен и танцев. Мэшрэп включал в себя не только развлекательную, но и социально-воспитательную составляющую и был ориентирован на социализацию молодежи, за его нарушения следовали штрафы и наказания. Наказания могли быть не только шуточными, но и реальными, в первую очередь это было общественное порицание. Члены мэшрэпа совместно решали насущные проблемы своей общины. *Выводы.* Значимость мэшрэпа подчеркивается тем, что этот обычай внесен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Мэшрэпы способствовали сохранению и трансляции традиций, социализации молодого поколения, выполняли роль неформальных судов. Эти собрания получили достаточно широкое распространение, выполняя роль общественно-политических клубов для участников национального движения. В XX в. традиция мэшрэпов стала ослабевать, а на этапе восстановления испытала негативное влияние со стороны китайских властей. Подлинно народный обычай стал подменяться коммерциализированными постановками.

Ключевые слова: Синьцзян, уйгуры, мэшрэп, обычай, традиционная культура, ислам

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутривузовского гранта Благовещенского государственного педагогического университета.

Для цитирования: Буяров Д. В. Обычай «мэшрэп» как феномен традиционной культуры уйгуров Синьцзяна // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 607–618. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618

Meshrep as a Phenomenon of Xinjiang Uyghur Traditional Culture

Dmitry V. Buyarov¹

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University (104, Lenin St., 675004 Blagoveshchensk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-8337-6817. E-mail: buyarov_d[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Buyarov D. V., 2004

Abstract. Introduction. The article examines one practice of social gatherings — meshrep — among Xinjiang Uyghurs characterized by distinctive culture with strong Islamic influences. *Goals.* The paper attempts a comprehensive description of meshrep's structure. To facilitate this, the work shall characterize certain elements of the custom, consider the latter in historical retrospect, analyze some present-day risks and threats. *Materials and methods.* The study focuses on analytical insights into ethnographic and historical writings by Russian and foreign researchers. Tools of structural and sociocultural analysis coupled with a synergetic approach have proved most instrumental herein. *Results.* The Uyghur meshrep traditionally distinguished by its etiquettical and playful essentials used to imply a joint meal, prayers, literary recitals, musical accompaniments, singing and dancing. Meshrep was not only to entertain but rather to socialize and educate young people, which entailed certain fines and punishments for its violations. And far not all punishments were that comic, while real ones primarily comprised social condemnation. Participants of the Uyghur meshrep would not only have fun together but also discuss and tackle topical challenges faced by their community. *Conclusions.* The significance of meshrep is emphasized by that this custom has been included in UNESCO Intangible Cultural Heritage Lists. Meshreps used to preserve and transmit traditions, socialize younger generations, and even serve as informal courts. Such meetings became widespread enough and took the form of sociopolitical clubs for national movement activists. In the twentieth century, the tradition began to weaken, and at the stage of restoration it was negatively influenced by the Chinese authorities: a truly folk custom would be replaced by mere commercialized performances.

Acknowledgements. The reported study was granted by Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Keywords: Xinjiang, Uyghurs, meshrep, custom, traditional culture, Islam

For citation: Buyarov D. V. Meshrep as a Phenomenon of Xinjiang Uyghur Traditional Culture. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 607–618. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-607-618

1. Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), являясь крупнейшей провинцией Китая, географически и исторически относится к Центральной Азии. Почти половину местного населения Синьцзяна составляют уйгуры. Этноним *уйгуры* был известен в древности и средневековье. В X в. часть уйгуров приняла ислам, и начинается постепенный процесс исламизации региона. Постепенно самоназвание *уйгуры* исчезает, что было связано с мусульманской традицией идентификации по вероисповеданию. Чаше начинают использоваться оазисные названия — *кашгарцы*, *хотанцы*, *турфанцы*, *илийцы* (*таранчи*) и др. В 1921 г. на съезде

представителей тюркоязычных народов в Ташкенте было принято решение о восстановлении самоназвания *уйгуры* [Кайдаров 1969: 322]. Примечательно, что восстановление термина носило политизированный характер и было связано с борьбой в рамках государственного самоопределения, что будет оставаться актуальным на протяжении всего последующего времени.

История уйгуров длительна, насыщена и характеризуется как периодами национальной государственности, так и нахождением в составе других государств. В VIII в. у уйгуров начинаются процессы этнической консолидации, и складывается государственное образование — Уйгурский

каганат (VIII–IX вв.). В это время уйгуры исповедовали манихейство, буддизм, несторианство, а с X в. и ислам, который вытеснил остальные религии на территории Восточного Туркестана к XVI в. В середине XVIII в. Джунгарское и Кашгарское ханства были завоеваны цинским Китаем, который стал осуществлять политику ассимиляции местного населения. В 1883–1884 гг. регион официально стал провинцией Китая со столицей в Дихуа Фу (совр. Урумчи). Новое название «Синьцзян» заменило использующиеся старые наименования, в том числе Кашгария, Джунгария и русское название — Восточный Туркестан.

В первой половине XX в. в Синьцзяне происходят процессы этнической консолидации и развитие сепаратизма. В этих условиях представители мусульманской элиты, опираясь на традиционные слои населения, предпринимают две попытки создания национального тюркоязычного государства — Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) в 1933 г. и в 1944–1949 гг. Накануне и в годы существования ВТР представители уйгурской интеллигенции обращались к культурным нормам ислама и народным традициям как к основам этнического возрождения и национальной идентичности. В 1955 г. китайским правительством был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район, в котором формально провозглашалась национальная автономия. Фактически же Синьцзян все больше оказывался под контролем КНР и китаизировался (ханизировался), в том числе за счет ханьской миграции [Буяров 2016а: 166–167].

Постепенно из титульной нации уйгуры превратились в национальное меньшинство. По данным 7-й переписи 2020 г., численность уйгуров составила 11,62 млн человек или почти 45 % в СУАР. За пределами КНР уйгуры проживают во многих странах, но в основном это государства Центральной Азии. Уйгурский этнос отличается самобытными национальными чертами, традициями и обычаями, которые они частично пытаются сохранять в условиях современного мира. Одним из таких обычаев является обычай мужских собраний — *мэшрэп*.

В рамках исследования основной акцент

делается на анализе традиционного мэшрэпа, его структуры, особенностей, а также перехода к современному состоянию этого феномена уйгурской культуры.

2. Материалы и методы

В основе данного исследования лежит анализ этнографических и исторических работ отечественных и зарубежных ученых. Источниковую базу исследования составили этнографические записки российских офицеров и путешественников Ч. Ч. Валиханова [Валиханов 1985] и М. В. Певцова [Певцов 2024], востоковеда Н. Н. Пантусова [Пантусов 1907], в которых отражены описательные характеристики мэшрэпа. Описание мэшрэпа нашло свое отражение в драме «Гюльниса» — произведении уйгурского поэта и драматурга Зунуна Кадир-ра [Kadir 1992]. В качестве аудиовизуального источника современного проведения мэшрэпа представляют интерес материалы веб-сайта «Uyghur Meshrep Project» [Uyghur Meshrep Project 2024], созданного сотрудниками Лондонского университета и Университета Туран (Казахстан), на котором размещены результаты полевых исследований, в том числе видеозаписи носителей обычая. Данные материалы позволяют заниматься изучением нематериальной культуры уйгуров. Тем не менее источниковая база исследования нуждается в дальнейшем расширении и изучении.

Для получения оптимального результата исследования были применены такие методы, как структурный анализ, социокультурный анализ, историко-генетический метод, которые позволили охарактеризовать мэшрэп в контексте религиозных, национальных, социально-бытовых особенностей уйгуров. Синергетический подход позволил охарактеризовать мэшрэп в качестве социально-культурного института, который развивался во времени в определенных исторических условиях и является не обычаем в узком смысле слова, а одним из традиционных способов регулирования общественных отношений у уйгуров. Синергетический подход помогает взглянуть на мэшрэп как на проявление этнокультурной идентичности в условиях стремления уй-

гуров сохранить и усилить национальную автономию. Историко-генетический метод позволил проследить изменения в развитии мэшрэпа как историко-культурного явления на протяжении XIX–XXI вв. Представленные методы дают возможность провести достаточно объективный анализ предмета исследования, выделить основные аспекты изучаемой темы, определить саму сущность и специфику особого ритуала у уйгуров.

3. Историография проблемы

Традиционная культура уйгуров XIX–XX вв. относительно мало изучена как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом практически отсутствуют специальные исследования, посвященные мэшрэпу. В XIX в. Синьцзян становится объектом изучения российских путешественников (офицеров, чиновников), в первую очередь интересовавшихся природными и экономическими условиями региона [Валиханов 1985; Пантусов 1907; Певцов 2024]. В 1858–1859 гг. состоялась экспедиция Чокана Чингисовича Валиханова в южный Синьцзян, в ходе которой он собрал этнографические сведения о жителях Кашгара, Хотана, Аксу [Валиханов 1985]. Спустя тридцать лет, в 1889–1890 гг., экспедицию в Кашгарию осуществил полковник Михаил Васильевич Певцов, оставивший очень познавательный, но местами весьма критичный в отношении местного населения этнографический очерк [Певцов 2024]. В конце XIX в. этнокультурным изучением народов Синьцзяна занимался востоковед, филолог, этнограф Николай Николаевич Пантусов, бывший начальником Кульджинской канцелярии [Пантусов 1907]. В записках этих исследователей содержатся упоминания и некоторые описания мэшрэпа.

Значительный вклад в изучение традиционной уйгурской культуры внесла в 1980–2000-е гг. доктор исторических наук Людмила Анатольевна Чвырь, акцентировавшая внимание на духовной жизни уйгуров, их верованиях, обрядах, в том числе и обычае мэшрэпа. В ее монографии «Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане» анализируются обычаи мужских собраний в уйгур-

ских общинах, в том числе обусловленных мусульманской культурой [Чвырь 2006].

Среди зарубежных исследователей первой половины XX в. представляет интерес работа шведского востоковеда и дипломата Гуннара Яринга, занимавшегося изучением истории и фольклора уйгуров и совершившего экспедицию в южный Синьцзян в 1929–1930 гг., при этом он лично принимал участие в мэшрэпе и описал его процедуру [Jarring 1975].

Большое значение представляют исследования казахстанского ученого, профессора Аблета Каюмовича Камалова, автора многочисленных работ по истории и культуре уйгуров, в том числе монографии «Социальный институт оттуз-огул: история и современность», в которой раскрываются место и роль мужских собраний в традиционном уйгурском обществе [Камалов и др. 2018].

В 1990–2000-е гг. активизируется изучение политической истории уйгуров, при этом большинство работ было посвящено проблемам этнических конфликтов национальных меньшинств СУАР и ханьцев и национальной политике КНР. Среди авторов, обративших внимание на народные традиции, следует упомянуть Ш. Робертса и Р. Харрис. Американский антрополог, профессор Университета Дж. Вашингтона Шон Робертс, автор многочисленных работ по истории уйгуров, рассматривает феномен мэшрэпа в контексте национального движения этнических меньшинств и «угнетения» со стороны центрального правительства [Roberts 1998: 2007]. Профессор музыкальной этнографии Лондонского университета Рейчел Харрис осуществляла полевые исследования с уйгурскими общинами в Синьцзяне, Казахстане, Кыргызстане во второй половине 2000-х гг. и оставила описание мэшрэпа и его развития в условиях административного регулирования местных властей [Harris 2020].

4. Традиционная структура обычая мэшрэп

Переходя к основной части исследования, необходимо остановиться на характеристике основного понятия. Термин *мэшрэп* имеет различные формы написания и про-

изношения: *мешреб*, *машраб*, *тамаша*. Термин происходит от арабского *машраб*, что означает «пить» или «место для питья»¹ [Thwaites 2005: 22]. В переводе с уйгурского означает «собрание», «место», в китайском пиньине обозначается как *màixīrèfǔ*, что означает «праздник урожая» [Han, Mao 2008: 15]. Фактически не представляется возможным определить нижние хронологические рамки этого обычая. В документальных источниках и художественной литературе уйгуров не встречается описаний мэшрэпа. В поэме Юсуфа Баласагуни² «Благодатное знание» («Кутадгу билиг») описывается положение различных социальных групп уйгурского общества, в том числе беков и казиев, роли которых используются затем в мэшрэпах [Камалов и др. 2018: 72]. В этой поэме описываются нормы этикета, связанные с гостеприимством и организацией угощений, что также позже становится важным компонентом мэшрэпа [Баласагуни 1983: 226]. Некоторые элементы и ритуалы уйгурских встреч позволяют думать, что они появились до исламизации Синьцзяна, но в тоже время элементы исламской культуры являются неотъемлемой составляющей мэшрэпа.

В период окончания сельскохозяйственных работ, когда земледельцы становились свободнее, они начинали устраивать товарищеские встречи развлекательного характера. Подобные вечеринки были достаточно регулярными. Как отмечал М. В. Певцов, «с окончанием полевых работ ... у богатых и зажиточных туземцев устраиваются нередко вечеринки под названием „томаша“ (увеселение), на которые приглашаются родные и знакомые» [Певцов 2024: 145]. В конце XIX в. на организацию скромного мэшрэпа уходило 4–5 рублей, а состоятельные уйгуры, собиравшие по 20–30 человек, могли израсходовать от 20 до 100 рублей [Пантусов 1907: 10–11], что было очень крупной суммой в то время³.

¹ Во время вечера подавались различные напитки: чай, айран, иногда вино.

² Тюркский поэт (около 1016–1093 гг.), живший в Караханидском государстве, в городах Баласагун и Кашгар.

³ Годовой заработок сельского работника в 1889 г. составлял в среднем около 13 рублей

Жители села (*кишлака*) или городского квартала (*махалли*) встречались по очереди у участников мэшрэпа и проводили время с сумерек и до рассвета. Как правило, во время встречи дважды — в полночь и перед рассветом — подавалась горячая пища, а в остальное время участники беседовали, молились, пели, танцевали, шутили, курили кальян, в том числе с гашишем. После окончания мэшрэпа некоторые гости расходились по домам, а некоторые отправлялись в мечеть [Jarring 1975: 15–18]. Религиозная составляющая встречи была достаточно важной. Собрание сопровождалось совместными молитвами и чтением религиозной литературы.

Уйгурский мэшрэп традиционно отличал этикетно-игровой характер. Участники вечера назывались *оттуз огул* — «тридцать мужчин (юношей)», хотя это число могло быть как меньшим, так и большим. Собрание возглавлял *бек* (*йигит-баши* или *жигит-беши*) — общепризнанный лидер (предводитель джигитов), ему помогали *паша-бег* — управляющий вечеринкой, следивший за порядком («начальник стражи»), *кази-бег* — судья, *дарабеги* — организатор развлечений и *келбеги* — человек, ответственный за организацию дастархана (угощения) на встрече, *гэзниччи* — кассир, *сакчи* — «стража», «солдаты» [Чвырь 2006: 122; Камалов и др. 2018: 79]. Поскольку встречи организовывались как развлекательно-познавательные и социально-коммуникативные, они, как правило, состояли из двух частей — *дава дэстур* (жалобы и предложения) и свободного общения. Первая часть проводилась по сценарию с указанными выше ролями.

С началом *дава дэстур* участники вечера должны были принять соответствующую позу — сидеть коленями на полу, поджав ноги снизу и хранить молчание. Любое действие могло осуществляться только по указанию или с разрешения *бека*. Нарушения, включая разговоры между собой, подлежали наказанию. За соблюдением этикета следил *паша-бег*, в руках у которого находился ивовый прут, служивший для сохранения дисциплины, которым стучали по полу и [Певцов 2024: 128].

можно было даже слегка ударить нарушившего порядок [Буяров 2018: 94; Thwaites 2005: 22]. Во время *дава дэстур* рассматривались социально важные и повседневные вопросы общины. Во второй части собрания подносились угощения, а участники могли вести себя свободно [Jarring 1975: 14–15; Камалов и др. 2018: 80]. *Келбеги*, управлявший застольем, также строго следил за соблюдением этикета за дастарханом. Сначала следовали холодные угощения, сладости, а далее горячие блюда (лагман, шурпа, плов, самсы, манты и др.) [Jarring 1975: 16].

Мэшрэп — это всегда развлечение, сопровождавшееся музыкой, песнями, танцами и играми. После угощения гости начинали играть в *чах-чах* ('шутка'). Остроумные чох-чах как бы обыгрывали недавние события или личностные особенности и поведение гостей вечера [Буяров 2018: 94]. На вечеринках были распространены такие игры, как «Потаююнн» (*пота* 'кушак', игра «выбивание кушаком»), «Чинигуль» (игра с пиалой), «Аламайсян» («не сможешь взять, достать»), «Жан бурган» ('досл. блоха') [Саитова 2019: 191].

Во время встреч исполнялись Двенадцать уйгурских мукамов. Российские исследователи-путешественники оставили во многом схожие описания этих развлекательных компонентов. Так, Ч. Ч. Валиханов писал: «Кашгарские вечера „машраб“ сопровождаются всегда пляской, в которой принимают участие все гости» [Валиханов 1985: 169]. Позже М. В. Певцов отмечал, что на встречах кашгарцев используется музыкальное сопровождение: «Музыканты, и вместе с тем певцы, аккомпанируя себе, распевают любимые народные песни „Алтын-джан“ (Золотая душа) и „Назыр-гум“ (Моя милая), а присутствующие мужчины и женщины танцуют попарно и поодиночке» [Певцов 2024: 146]. В свою очередь Н. Н. Пантусов указывал, что использовались различные музыкальные инструменты: «После того играют на *дутаре* и *сетере*¹. Когда играют на дутаре, то двое встают и играют *седри* и *сема*² [Пантусов

¹ Дутар — двухструнный щипковый инструмент типа домбры с длинным грифом; ситар (сетер) — девятиструнная смычковая лютия.

² Седри — быстрый, энергичный танец, с элементами присядки; сема — плавный танец с

1907: 12]. Периодически на вечера приглашали профессиональных танцоров и певцов. Шведский исследователь Г. Ярринг писал, что «иногда хозяин танцевал для гостей, что считалось знаком чести ... во время мэшрэпа гости устраивали шуточные состязания, бросая друг другу вызовы для исполнения танцев, от которых можно было откупиться, бросив несколько монет музыкантам» [Jarring 1975: 17].

Н. Н. Пантусов констатировал, что мэшрэп — это развлечение, охватывающее людей разных возрастов: «Старшие люди собираются в одну сторону, молодежь — в другую и развлекаются... На машрабе прежде всего читают какую-нибудь книгу, например: Кысасуль-Энбия, Тезкеретуль-Авлия, Нафахат, Решахат, Шахнаме, Джемшит, Эмир Гамза, Аба-Муслим³... После того играют... затем ведут разговоры о разных слухах и прочих вещах. Наконец едят пищу и потом расходятся» [Пантусов 1907: 11–12].

Поскольку мэшрэп имел в себе развлекательно-социальную составляющую и был ориентирован на социализацию молодежи, а также и взрослых, за его нарушения следовали штрафы и наказания. Они предусматривались, если участник опаздывал или нарушал нормы этикета, это могли быть удары деревянным прутком, денежный или натуральный штраф, удаление с вечеринки. Среди приговоров могли быть обливание водой — своего рода имитация побивания камнями, привязывание к дереву возле арыка, ночь на кладбище [Roberts 2007: 204].

Наказания могли быть не только шуточными, но и реальными, в первую очередь это было общественное порицание. В условиях общинного уклада, сельчанину подвергнутому остракизму, приходилось достаточно тяжело. Так, например, З. Кадир в произведении «Гульнисса» описывает, как коллектив мэшрэпа вступает за девушку-сироту и защищает ее от мачехи, осуждая ее слабо-

медленными взмахами рук.

³ Произведения «Кисас ал-анбийя» Рабгузи, «Тазкират ал-авлийя» Аттара, «Нафахат ал-унс» Джами, «Рашахат» Кашифи Харави, «Шахнаме» Фирдоуси были распространены в Центральной Азии в начале XX в., на персидском и чагатайском языках, они были посвящены героям эпоса, историческим деятелям.

вольного и равнодушного отца [Kadir 1992].

Хотя уйгуры исповедовали ислам суннитского толка, в мэшрэпе проявлялось, помимо прочего, культурное влияние суфизма. Так, наряду с народными танцами (уссул¹, седир (седри) и др.) исполнялся «вертящийся» танец, во время которого танцующие кружились вокруг своей оси. Отличие заключалось в том, что в традициях дервишей такие танцы обладали ритуальным значением, а на уйгурских вечеринках они служили развлечением и носили соревновательный характер. Кроме того, наряду с сугубо развлекательной литературой во время мэшрэпа читали произведения мистического характера, например сочинения шейхов Аллаяра, Бакыргани, Ясави, стихи Фирдоуси, декламация которых сопровождалась музыкальным исполнением и танцами [Beller-Hann 2008: 213]. В наши дни во время мэшрэпа уйгуры исполняют религиозные песни, например «Имам Хусейн», которая раньше была популярна среди уйгурских суфиев в Хотане [Mu 2021: 82]. Как уже отмечалось выше, участники мэшрэпа исполняли танцы *седри* и *сема*, которые встречались у дервишей некоторых сект [Пантусов 1907: 11–12]. По словам американского антрополога Н. Лайта, поскольку термин «мэшрэп» используется для суфийских собраний, последний раздел мукамов также называется мэшрэп, а эти песни исполняются отдельно от традиций мукамов суфийскими исполнителями, известными как *мэшрэпчи* [Light 1998: 181].

Уйгурский мэшрэп служил не только для развлечений, но также был нацелен на решение практических актуальных вопросов. Его участники помогали друг другу в организации повседневных работ, демонстрировали взаимовыручку, совместно организовывали свадьбы и похороны. Уйгуры подчеркивали значение мэшрэпов в социализации молодежи. В Синьцзяне была распространена поговорка: «Отдай сына в школу, затем в мэшрэп», поскольку на этих собраниях молодежь обучалась народным традициям, нормам поведения в обществе, усваивала нравственные ценности [Tursun

2011: 69]. Для обозначения невоспитанного молодого человека уйгуры в долине реки Или используют фразу «мальчик, который не видел мэшрэпа». Когда юноша впервые вводится в группу мэшрэпа, его отец или опекун обращается к нему: «Скелет мальчика мой, но его плоть твоя; научи его морали и манерам, ибо я привел его в мэшрэп» [Roberts 1998: 682]. На мужских собраниях осуществлялось целенаправленное воспитание, усвоение социальных норм поведения, называемых *машираханлык*, которые были ориентированы на каноны исламской культуры [Камалов и др. 2018: 75].

Таким образом, исторически мэшрэп играл важную роль в консолидации общества уйгуров, передаче традиционных устоев и нравственных норм следующим поколениям, выполнял функции социального института, связанные с воспитанием молодежи, коммуникации и регулирования внутриобщинных отношений.

5. Современное состояние мэшрэпа

Мэшрэп дошел до наших дней в качестве комплекса организационных мероприятий и специфического элемента уйгурской культуры. Китайский этнолог Му Цянь описывает его проведение в современных условиях, и, как следует из его полевых исследований, многие из традиционных ритуалов (описанных в данной работе выше) сохранились. В Синьцзяне встречаются различные формы мэшрэпа: на севере это часто собрания молодых людей с целью нравственного воспитания, на юге, например, в Хотане, музыкальные вечера с элементами суфийских практик [Mu 2018: 129].

Среди разновидностей мэшрэпа можно отметить *кок-мэшрэп* (праздник молодых посевов, первого урожая), который проводится весной, *хуоксалик-мэшрэп* (праздничный), связанный со свадьбами, обрядами совершеннолетия, календарными религиозными праздниками, в том числе такими, как Навруз, Мухаррем, Рамазан, *намакул-мэшрэп* (извинительный), проводимый для урегулирования конфликтов, разногласий, *кейт-мэшрэп* (дисциплинарный) — с целью критики аморального поведения или просвещения молодежи, *долан-мэшрэп* —

¹ «Уссул» переводится дословно на русский язык как «танец».

демонстрация народных танцев и песен, *ке-тафан-мэширэн* (повествование историй) — обращение к литературным произведениям [UNESCO 2010].

После образования Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1955 г. некоторые традиции и обычаи уйгуров стали ограничиваться со стороны Коммунистической партии Китая (КПК) как национальные пережитки, и особенно ярко это стало проявляться в годы «Большого скачка» и «Культурной революции» [Буяров 2016б: 41]. Существенные ограничения коснулись и мэширэпа, который ассоциировался у ханьских активистов из КПК с феодально-реакционными пережитками. Параллельно развивалось светское образование национальных меньшинств и прививалась современная социалистическая культура, на фоне чего традиция организации мэширэпов стала ослабевать.

Новые социально-экономические и исторические условия повлияли на возрождение мэширэпа. Под влиянием экономических реформ Дэн Сяопина в СУАР стали происходить изменения, частично реанимировавшие полузабытые обычаи. С одной стороны, отношение к исламской религии и национальным обычаям стало терпимее, а также стал повышаться материальный достаток населения, с другой стороны, стала возрастать ханьская миграция, что привело к увеличению социально-экономических и этнических противоречий между национальными меньшинствами, среди которых преобладали уйгуры, и титульной нацией — ханьцами. Кроме того, на фоне достижения центральноазиатскими республиками независимости в 1991 г., в Синьцзяне также нарастают сепаратистские настроения, подкрепляемые ростом национального самосознания уйгуров [Буяров 2011: 84–85]. В результате в 1990-е гг. начинает возрождаться мэширэп, в том числе как выражение национальной идентичности.

В последнее десятилетие XX в. религия начинает выходить на первый план как механизм утверждения уйгурской идентичности и традиционных устоев общины. В некоторых районах Синьцзяна мэширэп стал использоваться для борьбы с такими социальными проблемами в уйгурских общинах,

как алкоголизм, наркомания, преступность, в том числе посредством пропаганды мусульманского образа жизни. Под влиянием представителей мусульманского духовенства молодые люди в Кульдже стали развивать несколько новую форму мэширэпа, который поощрял ежедневные молитвы и пост, изучение религиозной литературы, полное отрицание употребления алкоголя и наркотиков, сбор средств на благотворительность. Из-за роста социальной и религиозной активности это движение стало вызывать беспокойство местных властей. После того как участники движения попытались запретить продажу алкоголя по всему городу в 1995 г., власти ответили запретом на движение «мэширэп» и арестами его лидеров, обвинив их в сепаратизме и религиозном экстремизме [Harris, Kamalov 2020: 10]. Возросшая роль активистов мэширэпов в мобилизации населения на антиалкогольные кампании, молодежные спортивные лиги и другие формы общественной активности привела к осознанию должностными лицами того, что нерегулируемые низовые организации в уйгурских кварталах оказались более эффективными, чем государственные мероприятия [Noubel 2020]. В условиях, когда продолжали иметь место несанкционированные мэширэпы, китайские власти решили провести различия между «нездоровыми» (запрещенными, экстремистскими) и «здоровыми» мэширэпами [Noubel 2020]. Все это сыграло свою роль в подготовке к трагическим событиям 5 февраля 1997 г. в Кульдже, когда после запрета митингов последовало нападение на полицейский участок, переросшее в крупные городские волнения. Все это сопровождалось людскими жертвами и последующими арестами. После этого единственно разрешенной формой мэширэпа стали организуемые региональным правительством песенно-танцевальные представления [Harris 2020: 41]. Эта форма признавалась «здоровой» и была предложена комитету ЮНЕСКО, в том числе это было сделано в рамках осуществления Китаем политики «мягкой силы».

В 2010 г. мэширэп был включен ЮНЕСКО в перечень нематериального культурного наследия, подлежащего охране. Усло-

виями, повлиявшими на это решение, стало то, что мэшрэп как многогранный обычай включал в себя богатейшие традиции, исполнительские искусства, особенности повседневной жизни, включая этническую кухню. Мэшрэп признавался инструментом сохранения моральных норм и регулирования поведения, подчеркивалась его образовательная функция. Главными рисками его существования назывались негативные изменения, обусловленные урбанизацией и индустриализацией в СУАР, влияние иностранной и китайской культуры, миграция молодых уйгуров в города, резкое сокращение носителей обычая.

В Синьцзяне при поддержке местных властей стали организовываться коллективы для исполнения мэшрэпа в сценической форме. Постановочные версии ежемесячно транслировались по местному телевидению. Стали выходить публикации на китайском и уйгурском языках, записываться DVD-диски. Бренд «мэшрэп» стал использоваться для рекламы различных объектов и товаров — от ресторанов до бытовой техники и даже туалетной бумаги [Taylor 2017: 153]. Примечательно, что со стороны китайцев многогранный и содержательный обычай уйгуров воспринимается в основном как проявление фольклора и иногда получает в СМИ не самое достойное определение, — например, «карнавал в синьцзянском стиле» [Meshrep 2023].

На сегодняшний день мэшрэп практикуется в уйгурских общинах в основном в таких округах, как Кашгар, Хотан, Аксу, Кызылсу-Киргизском автономном округе, которые расположены на юге Синьцзяна, где уйгурское население составляет около 74 % от общей численности [Xinjiang Population 2021]. По оценкам китайских специалистов, насчитывается 483 репрезентативных носителя обычая мэшрэпа, которые осуществляют его передачу внутри семей и своим ученикам. Для продвижения мэшрэпа проводятся специальные презентации и обучающие семинары, используется социальная сеть WeChat. В организации мероприятий участвуют региональные власти, так в 2022 г. было организовано более 800 мероприятий с участием 160 тыс. человек [Gao 2023].

В своем содержании мэшрэп был под-

вергнут значительной санации и лишен религиозных и общинных аспектов, был достаточно сильно коммерциализирован. «Видимость» мэшрэпа повышается благодаря телевидению, СМИ, платформам социальных сетей. Местные власти организуют для этнических трупп гастрольные туры по деревням, которые на открытых площадях и в клубах имитируют мэшрэп в виде концерта [Gao 2023]. Местные власти используют мэшрэп как средство борьбы с экстремизмом и содействия этническому единству. Все религиозные составляющие этого обычая находятся под запретом, а сам он используется как иллюстрация, подтверждающая приверженность правительства сохранению культуры этнических меньшинств.

Региональное правительство СУАР также издало документ «План охраны Мэшрэпа» (2021–2030 гг.), реализация которого поручена Департаменту культуры и туризма Синьцзян-Уйгурского автономного округа. План предусматривает финансовую поддержку носителей, продвижение и распространение мэшрэпа, в том числе за счет производства аудиовизуальной продукции, проведение учебных семинаров, полевых исследований [Gao 2023]. По сути финансирование получают творческие коллективы, осуществляющие публичные постановки мэшрэпов, что не является реальной реконструкцией и сохранением старинного обычая.

6. Выводы

Мэшрэп является одним из ранних обычаев уйгуров, однако невозможно определить его нижние хронологические рамки. Описания мэшрэпа начинаются с XIX в., но корни этой традиции, вероятно, глубже. Эпизодические характеристики этого народного обычая встречаются в работах российских путешественников — востоковедов, совершавших экспедиции в Синьцзян во второй половине XIX – начале XX в. Однако на протяжении XX столетия традиция мэшрэпов не служила объектом специального исследования, что отчасти было связано с ее угасанием. Начиная с XXI в. представители научного сообщества вновь обращаются к изучению мэшрэпа, что было вызвано как возрождением этого обычая, так и общей

актуализацией уйгурской проблемы.

Мэшрэп является не просто вечеринкой, а системой общественных собраний в Синьцзяне и в уйгурских диаспорах за пределами СУАР. Эти встречи включают в себя совместную трапезу, музыку, танцы и песни, шутки, чтение назидательной литературы, неформальный общественный суд. Они являются важной частью повседневной уйгурской культуры и позволяют транслировать фольклор и национальные ценности.

Мэшрэпы могут организовываться регулярно для развлечений или решения воспитательных задач, а могут быть приурочены к конкретным событиям: свадьбе, рождению ребенка, обрезаю, совершеннолетию девушек и юношей, встрече дорогих гостей и др. Традиции мэшрэпа включают в себя социально-воспитательные и общественные функции. На таких собраниях участники обсуждали актуальные вопросы своего селения, связанные с ремонтом и строительством жилья, сельскохозяйственными работами, проведением празднеств.

Важным моментом является то, что во время мэшрэпов обсуждались и общественно-политические темы, что было актуаль-

ным в условиях уйгурского национального движения против ханьского доминирования. И таким образом в этих собраниях формировалось своего рода общественное мнение уезда, округа и региона в целом. Традиция мэшрэпов прошла непростой путь в своем развитии, став определенным фактором национального единения. На протяжении XIX–XX вв. в Синьцзяне происходили периодические выступления против китайской власти, и в этих условиях мэшрэпы выполняли роль неформальных общественно-политических клубов участников национального движения.

В современных условиях традиция мэшрэпа подвержена рискам со стороны массовой культуры, меняющей традиционное сознание, и китайской культуры, нацеленной на формирование «общекитайской нации». Мэшрэп как социальный институт испытывает существенные ограничения со стороны властей, ассоциирующих его с основой для религиозного экстремизма. Однако, несмотря на комплекс условий, ослабляющих и видоизменяющих мэшрэп, этот обычай продолжает сохраняться и, являясь важным феноменом уйгурской культуры, требует дальнейшего изучения.

Литература

- Баласагуни 1983 — *Баласагуни Ю.* Благодатное знание / пер.: С. Н. Иванов. М.: Наука, 1983. 558 с.
- Буяров 2018 — *Буяров Д. В.* Мэшрэп как обычай мужских собраний уйгуров Синьцзяна // *Исламоведение*. 2018. Т. 9. № 2. С. 91–101. DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101
- Буяров 2011 — *Буяров Д. В.* Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 1990-е гг. // *Гуманитарные науки и образование*. 2011. № 3 (7). С. 84–86.
- Буяров 2016a — *Буяров Д. В.* Внутриполитическое развитие Синьцзяна в первой половине XX века // *Современный Китай: страницы истории* / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 123–170.
- Буяров 2016b — *Буяров Д. В.* Национальная политика Китая в конце 1950-х — конце 1970-х гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–43.
- Валиханов 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
- Кайдаров 1969 — *Кайдаров А. Т.* Развитие со-
временного литературного уйгурского языка. Ч. I: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата: Наука, 1969. 359 с.
- Камалов и др. 2018 — *Камалов А. К., Каримова Р. У., Карими Н. И.* Отгуз огул ижтимаий институти: тарих вэ бүгүн = Социальный институт *отгуз-огул*: история и современность (на уйг. и рус. языках). Алматы: Мир, 2018. 116 с.
- Пантусов 1907 — *Пантусов Н. Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 9. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1907. 30 с.
- Певцов 2024 — *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М.: Юрайт, 2024. 399 с.
- Саитова 2019 — *Саитова Г.* Танцевальное наследие: записи ученых и путешественников — ценнейшие источники культуры уйгурского народа // *Уйгуроведение в Казахстане и Центральной Азии: актуальные вопросы, современные достижения*: Мат-лы межд. науч. конф. (г. Алматы, Казахстан, 3 мая 2019 г.). Алматы: Мир, 2019. С. 188–198.
- Чвырь 2006 — *Чвырь Л. А.* Обряды и верования уйгуров XIX–XX вв.: очерки народного исла-

- ма в Туркестане. М.: Вост. лит., 2006. 286 с.
- Beller-Hann 2008 — *Beller-Hann I.* Community Matters in Xinjiang 1880–1949: Towards a Historical Anthropology of the Uyghur. Leiden: Brill. 2008. 477 p.
- Gao 2023 — *Gao Z.* Report on the status of an element inscribed on the list of intangible cultural heritage in need of urgent safeguarding. 2023 [электронный ресурс] // Meshrep. URL: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (дата обращения: 2.08.2024).
- Han, Mao 2008 — *Han Chunying, Mao Haiying* 韩春英, 毛海英. Research on the Social Characteristics and Functional Values of Uyghur Maixirefu-Muqam 维吾尔麦西热甫-木卡姆的社会特征与功能价值研究 (= Хань Чуньин, Мао Хайин. Исследование социальных характеристик и функциональной ценности уйгурского Майсирефу-Мукама) // Journal of Xinjiang Institute of Education 新疆教育学院学报. 2008. No. 24(4). Pp. 15–17.
- Harris 2020 — *Harris R.* «A Weekly Mäshrāp to Tackle Religious Extremism»: Music-Making in Uyghur Communities and Intangible Cultural Heritage in China // *Ethnomusicology*. 2020. Vol. 64. No.1. Pp. 23–55.
- Harris, Kamalov 2020 — *Harris R., Kamalov A.* Nation, Religion and Social Heat: Heritagizing Uyghur Mäshrāp in Kazakhstan // *Central Asian Survey*. Vol. 40 (1). Pp. 9–33. DOI: 10.1080/02634937.2020.1835825
- Jarring 1975 — *Jarring G.* Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi // *Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang*. Lund: Liber Läromedel, 1975. 54 s.
- Kadir 1992 — *Kadir Z.* Gulnissa // *Zunun Kadir Eserliri*. Urumqi: Xinjiang Peoples Publishing House, 1992. Pp. 336–391.
- Light 1998 — *Light N.* Slippery Path: Performance and Canonization of Turkic Literature and Uyghur Muqam Song in Islam and Modernity: PhD Dissertation. Indiana University. 1998. 1024 p.
- Meshrep 2023 — Meshrep, Xinjiang-style carnival [электронный ресурс] // CGTN. 2023. December, 1. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-12-01/Meshrep-Xinjiang-style-carnival-1pbx-lp5MZEU/index.html> (дата обращения: 1.08.2024).
- Mu 2018 — *Mu Q.* Experiencing God in Sound: Music and Meaning in Uyghur Sufism: PhD Dissertation thesis. University of London. 2018. 317 p.
- Mu 2021 — *Mu Q.* From Sufism to Communism: Incarnations of the Uyghur Song «Imam Hüsäynim» // *Central Asian Survey*. 2021. Vol. 40. No. 1. Pp. 76–96.
- Noubel 2020 — *Noubel F.* The Uyghur Meshrep: A Traditional Community Gathering Censored in China [электронный ресурс] // *Global Voices*. 2020. September, 12. URL: <https://globalvoices.org/2020/07/08/the-uyghur-meshrep-a-traditional-community-gathering-censored-in-china/> (дата обращения: 1.08.2024).
- Roberts 1998 — *Roberts S.* Negotiating Locality, Islam, and National Culture in a Changing Borderlands: The Revival of the Mäshrāp Ritual among Young Uighur Men in the Ili Valley // *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 4. Pp. 672–700.
- Roberts 2007 — *Roberts S.* «The Dawn of the East»: A Portal of a Uyghur Community Between China and Kazakhstan // *Situating the Uyghurs between China and Central Asia*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. Pp. 203–218.
- Taylor 2017 — *Taylor T. D.* Music in the World: Selected Essays. Chicago: University of Chicago Press. 2017. 240 p.
- Thwaites 2005 — *Thwaites D. K.* An Uyghur Meshrep Dihotomy // *Central Eurasian Studies Review*. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 22–25.
- Tursun 2011 — *Tursun N.* Uyghur Muqam-Meshrebliri We Uning En'eniwi Exlaq Qimmiti Ustide Izdinish // *Туркология*. 2011. № 6(56). Pp. 61–81. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2930904> (дата обращения: 01.08.2024).
- UNESCO 2010 — UNESCO. «China: Meshrep». URL: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (дата обращения: 2.08.2024).
- Uyghur Meshrep Project 2024 — Uyghur Meshrep Project [электронный ресурс]. URL: <https://www.meshrep.uk/> (дата обращения: 1.08.2024).
- Xinjiang Population 2021 — Xinjiang Population Dynamics and Data [электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/26/content_WS615016cfc6d0df57f98e0e16.html (дата обращения: 2.08.2024).

References

- Balasaguni Yu. Kutadgu Bilig [The Blessed Knowledge]. S. Ivanov (transl.). Moscow: Nauka, 1983. 558 p. (In Russ.)
- Beller-Hann I. Community Matters in Xinjiang 1880–1949: Towards a Historical Anthropology of the Uyghur. Leiden: Brill. 2008. 477 p. (In Eng.)
- Buyarov D. V. Meshrep as a custom of male assembly among Xinjiang Uigurs. *Islamic Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 91–101. (In Russ.) DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101
- Chvyr L. A. Uyghur Rites and Beliefs, Nineteenth-Twentieth Centuries: Essays on Folk Islam in Turkestan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 286 p. (In Russ.)

- Gao Z. Report on the status of an element inscribed on the list of intangible cultural heritage in need of urgent safeguarding. On: UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Meshrep. 2003. Available at: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)
- Han Chunying, Mao Haiying. Research on social characteristics and functional values of the Uyghur *mershep* muqam. *Journal of Xinjiang Institute of Education*. 2008. No. 24 (4). Pp. 15–17. (In Chin.)
- Harris R. «A weekly *māshrāp* to tackle religious extremism»: Music-making in Uyghur communities and intangible cultural heritage in China. *Ethnomusicology*. 2020. Vol. 64. No.1. Pp. 23–55. (In Eng.)
- Harris R., Kamalov A. Nation, religion and social heat: Heritagizing Uyghur *māshrāp* in Kazakhstan. *Central Asian Survey*. Vol. 40. No. 1. Pp. 9–33. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2020.1835825
- Jarring G. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi: Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang. Lund: Liber Lāromedel, 1975. 54 p. (In Eng.)
- Kadir Z. Gulnissa. In: Zunun Kadir Eserliri. Urumqi: Xinjiang Peoples Publishing House, 1992. Pp. 336–391. (In Eng.)
- Kaidarov A. T. The Development of Modern Standard Uyghur. Pt. 1: Uyghur Dialects and Dialectal Foundations of Standard Language. Alma-Ata: Nauka, 1969. 359 p. (In Russ.)
- Kamalov A. K., Karimova R. U., Karimi N. I. The Social Institute of Ottuz-Oyul: Past and Present. Almaty: Mir, 2018. 116 p. (In Uyg. and Russ.)
- Light N. Slippery Path: Performance and Canonization of Turkic Literature and Uyghur Muqam Song in Islam and Modernity. PhD thesis. Indiana University. 1998. 1024 p. (In Eng.)
- Mershep. On: UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Available at: <https://ich.unesco.org/en/USL/meshrep-00304> (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)
- Meshrep, Xinjiang-style carnival. On: CGTN. Posted on 1 December 2023. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-12-01/Meshrep-Xinjiang-style-carnival-1pbxlp5MZeu/index.html> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Mu Q. Experiencing God in Sound: Music and Meaning in Uyghur Sufism. PhD thesis. University of London. 2018. 317 p. (In Eng.)
- Mu Q. From Sufism to Communism: Incarnations of the Uyghur song 'Imam Hüsäynim'. *Central Asian Survey*. 2021. Vol. 40. No. 1. Pp. 76–96. (In Eng.)
- Noubel F. The Uyghur meshrep: A traditional community gathering censored in China. On: Global Voices. Posted on 12 September 2020. Available at: <https://globalvoices.org/2020/07/08/the-uyghur-meshrep-a-traditional-community-gathering-censored-in-china/> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Pantusov N. N. Ili Taranchi Language Learning Materials. Vol. 9. Kazan: Imperial Kazan University, 1907. 30 p. (In Russ.)
- Pevtsov M. V. Travels in Kashgaria and the Kunlun Mountains. Moscow: Yurayt, 2024. 399 p. (In Russ.)
- Roberts S. Negotiating locality, Islam, and national culture in a changing borderlands: The revival of the *māshrāp* ritual among young Uighur men in the Ili Valley. *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 4. Pp. 672–700. (In Eng.)
- Roberts S. The Dawn of the East: A Uyghur Community between Central Asia and China. In: Situating the Uyghurs between China and Central Asia. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007. Pp. 203–218. (In Eng.)
- Saitova G. Dancing heritage: Notes by researchers and travelers as most precious sources on Uyghur culture. In: Derbisali A. B., Karimova R. U. (eds.) Uyghur Studies in Kazakhstan and Central Asia: Topical Issues, Contemporary Endeavors. Conference proceedings (Almaty, 3 May 2019). Almaty: Mir, 2019. Pp. 188–198. (In Russ.)
- Taylor T. D. Music in the World: Selected Essays. Chicago: University of Chicago Press. 2017. 240 p. (In Eng.)
- Thwaites D. K. An Uyghur meshrep dichotomy. *Central Eurasian Studies Review*. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 22–25. (In Eng.)
- Tursun N. About Uyghur muqam mashrabs' traditional moral values. *Türkologiya*. 2011. No. 6 (56). Pp. 61–81. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2930904> (accessed: 1 August 2024). (In Turk.)
- Uyghur Meshrep Project. Available at: <https://www.meshrep.uk/> (accessed: 1 August 2024). (In Eng.)
- Valikhanov Ch. Ch. Complete Works. In 5 vols. Vol. 3. Alma-Ata: Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. 416 p. (In Russ.)
- Xinjiang population dynamics and data. On: The State Council Information Office of the People's Republic of China (website). Posted (updated) on 26 September 2021. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202109/26/content_WS615016cfc6d0df57f98e0e16.html (accessed: 2 August 2024). (In Eng.)

